

М. Р. Соловьева

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ СИБИРЯКОВ КАК ФОРМА НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Часть II

5. Любимым занятием детворы, предметом долгого ожидания были игры и забавы, приуроченные к определённым периодам народного календаря и к конкретным годовым праздникам.

Федот Васильевич Сычков «Тройка». 1906.

«Мы вот ребяташкам были, как *токо* снег подтает, вот **Авдокии день** будет, *притаечки* эти начнутся, *притайки* же по высоким местам, *по угорам*, горам, вот мы начинам выходить на улицу, на угор (...). Играть. С *Авдокии* дня все уже на улице. **В лапту** играли» [1, № 90].

Герман Травников. «Лапта - игра весенняя».

Во многих рассказах о *Пасхе* повествуется об играх *в бабки* (бабка - кость из последнего /надкопытного/ сустава ноги домашнего или дикого животного).

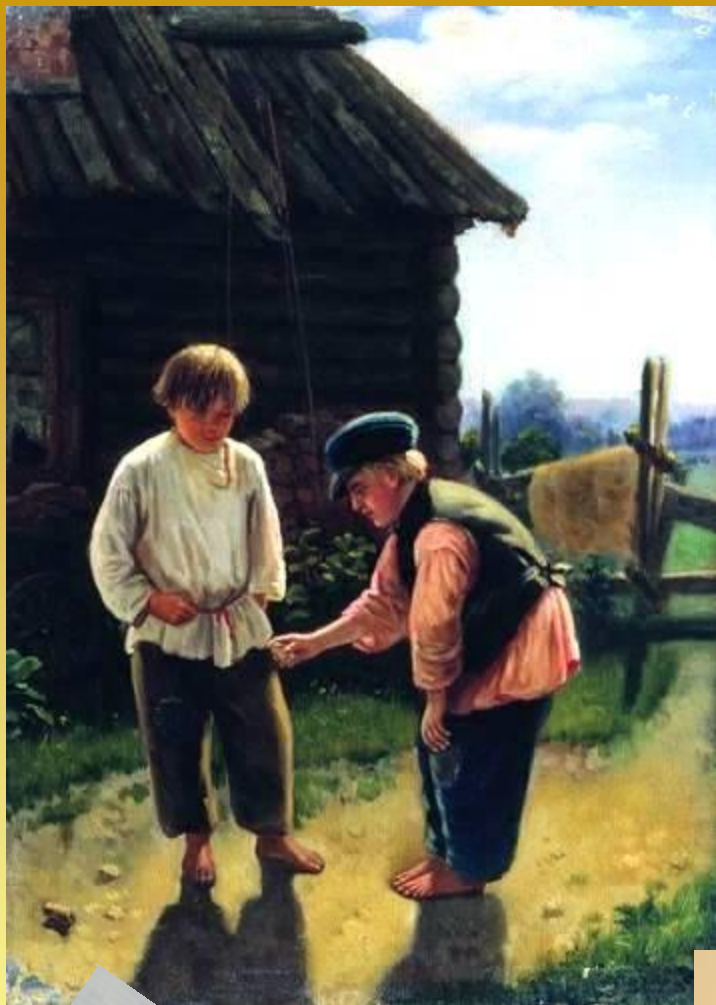
В. Е. Маковский (1846-1920). «Игра в бабки». 1870.

О популярности **игры в бабки** свидетельствуют упоминаемые в рассказах различные названия бабок:

«**Сохачи** — это длинный такой, длинный, толстый. А **шлюха**, она короткая и широкая. *Ешшо* была **зюбра** — это от оленя, она тонкая и длинная (у оленя ножка тонкая)» [2, № 98];

«А потом там были **бабочки, зешки** называли, **зёх**, оне длинненьки, и **бита** была, в её свинец наливали, чтоб тяжелее была. Потом вот этой **битой** по **зешкам** бьёшь, по **бабочкам**. Вот *скоко* сшибёшь [3, № 497];

«А эти большие **бабочки** называли **кóни**. Вот. **В бабочки** играли. Эти **бабки** играли, **бабки-кóни** были. Ну и их красили даже, ребята покрасют, мы играли» [2, № 100].

Алексей Корзухин
«Игра в бабки»

Налиток. Кость, налитая свинцом.
Свинчатка.

Бабки – высушенные и очищенные
суставные кости овец, сохатых.

Кроме «спортивных» *игр в бабки*, когда требовалось их сшибать, возникали и другие игры, когда **«бабка»** становилась игрушечным конём: «А **бабки-то** тоже сшибали. Ставишь рядом **бабочки, сохачи**. Никаких нету игрушек-ту. Дедушка дак у меня запрягал ребятишкам-то. Запрягат их, **бабки-то**... **Бабки** возьмут, дугу сделат от веника, сани, оглобли и эта **бабка-то** — **сохач**. И запрягёт, и как кони едут. *Челядишки-то* играют.

[— ...*Челядишки* играют? — Собир.]

Челядь. Ребятишки, но мы *челядь* звали» [2, № 102].

Любимой игрушкой детворы была **«бабка-шурчавка»**:

«Вот **бабку-шурчавку-то**, ту я знаю. У нас *тятя* делал их. Она длинная. И вот такой же толщиной. Он вот так делал: *сердце* [середину. — Г. В. А.-М.] выберет, тут просверлит дыру и здесь дыру. И сделает шнур, такой крепкий надо шнур из конопляной верёвки. Ну и продёрнет в эту дыру и в эту дыру. И потом ещё раз. И потом вот так этот шнур разделит надвое. И потом, когда вот так начнёт шнуром-то вот этим, и она вот так раскрутится и *зашурчит*. Да так шибко *шурчит!* Вот и называлась **шурчавка-то** из-за этого, что *шурчит*.

Ну, чё?! *Тятя* сделает своим, там други *постанавливают*: Обединским надо делать, и Полуэктовским делать, и там по другим домам. Глядишь, дня два-три пройдёт, дак у всех эти **бабки-шурчавки** начнутся!» [2, № 105].

Она же – **«бабка-шуршавка»**: «А были *ешшо* **бабки-шуршавки**. Оне длинные такие были. Мы дыры прокопаем в *бабочке* (я и сейчас её могу сделать), дыру прокопаю и в её вдёрну туда-сюда, с обоих сторон верёвки. Закрутишь её и отпустишь, она *шумко* шумит. Её саму-то не заметишь, она такая, быстро же там шумит. Ребятишки так крутят-крутят. Она как начнёт так — фыр-р, фыр-р! Так и называли: **бабки-шуршавки**» [2, № 106].

Неотъемлемым элементом празднования *Пасхи* были *игры с крашеными яйцами – игры «в битки».*

В рассказах крестьян отмечаются два варианта игры:
1) яйца скатывали с бугорка или со специально изготовленного для этого лоточка (мосточка);

Н. А. Кошелев (1840-1918). «Дети, катающие пасхальные яйца».

Елизавета Меркурьевна Бём.
Российская пасхальная открытка
начала XX века.

Катание яиц. Дореволюционная пасхальная открытка

2) «бились» пасхальными яйцами, ударяя одним яйцом о другое.

В ходе игры выяснялось: яйцо крепкое или «биткое» («Бывают крепки яички, а бывают *биткие*. Если яичко крепкое, яичко попадат крепкое — почти всю деревню пройдёт с этим яичком!» [3, № 503]).

Ф. Сычков. «Игра в битки». Пасхальная дореволюционная открытка.

«Рано утром! И большие придут другой раз с ячком, *бьют*, выбивают. Выбивают, ложат в карман. Пойдут в другой дом. Бывают крепки ячки, а бывают *биткие*. Если ячко крепкое, ячко попадат крепкое — почти всю деревню пройдёт с этим ячком! Глядишь, тут ячко, два выбьет в нашем дому, в другой пойдёт, там ячко-два выбьет. Всю деревню однем яйцом обойдёт. У нас шестнадцать домов там было, если по всей деревне пройдёт, значит, он двадцать-то ячек соберёт! Было-было. Ну а чё?! Раз выбил — бери!

Вот бывают такие яйца крепкие. Ой, попадёт, ну, ячко крепко! *Дак* он всю деревню пройдёт, его не разобьёт, *ешшо* оставит: там после *Пасхи Родительский день*, тоже с яйцами. В Родительский день *ешшо* бьётся этим же ячком» [3, № 503]).

Излюбленным пасхальным увеселением детворы и молодёжи было **качание на берёзовых качелях**: «Ну, как **Паска**, берёзовую качулю навешают, и качались. Почти что в каждом дворе, у кого дети были маленьки-то. А большие-то ребята, как вот *на возрасте* по двадцать, по пятнадцать лет, те уже *на борке* были, там тоже **берёзовая качуля**, они качались, кругом разворачивались через дерево, через перескакывали. Раскачаются, *дак токо* летает. Ну, это большие ребята, *порные*.

[— Какие ребята? — Собир.]

Порные, большие, в самой поре. Ну, девятнадцать лет, двадцать лет — уж *настоящий* парень. Вот качались *на борке* оне. <...> Это в Пасху, *токо* в Пасху качались. А так не качались, нет» [3, № 329].

Николай Бернадский
«Детство». 1987.

Дмитрий Лёвин (род. в 1955). «Весна в деревне».

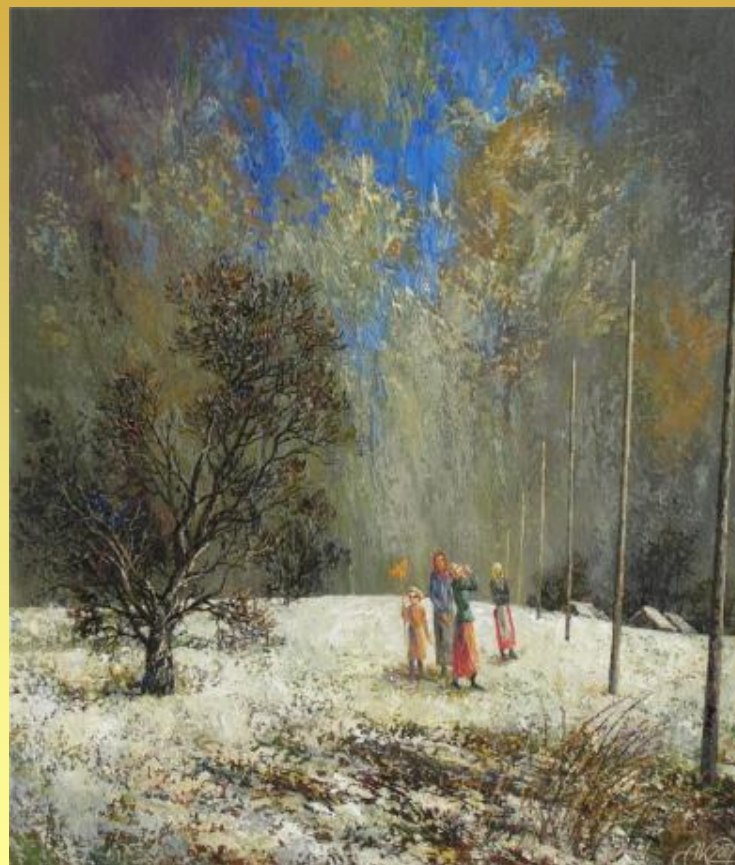

Юрий Чумаков «Качели». 2003.

6. Существовали календарные обряды, совершаемые, в основном, детьми.

Обязательность исполнения этих обрядов предписывалась традицией, и участие детей в праздничном действе становилось необходимым.

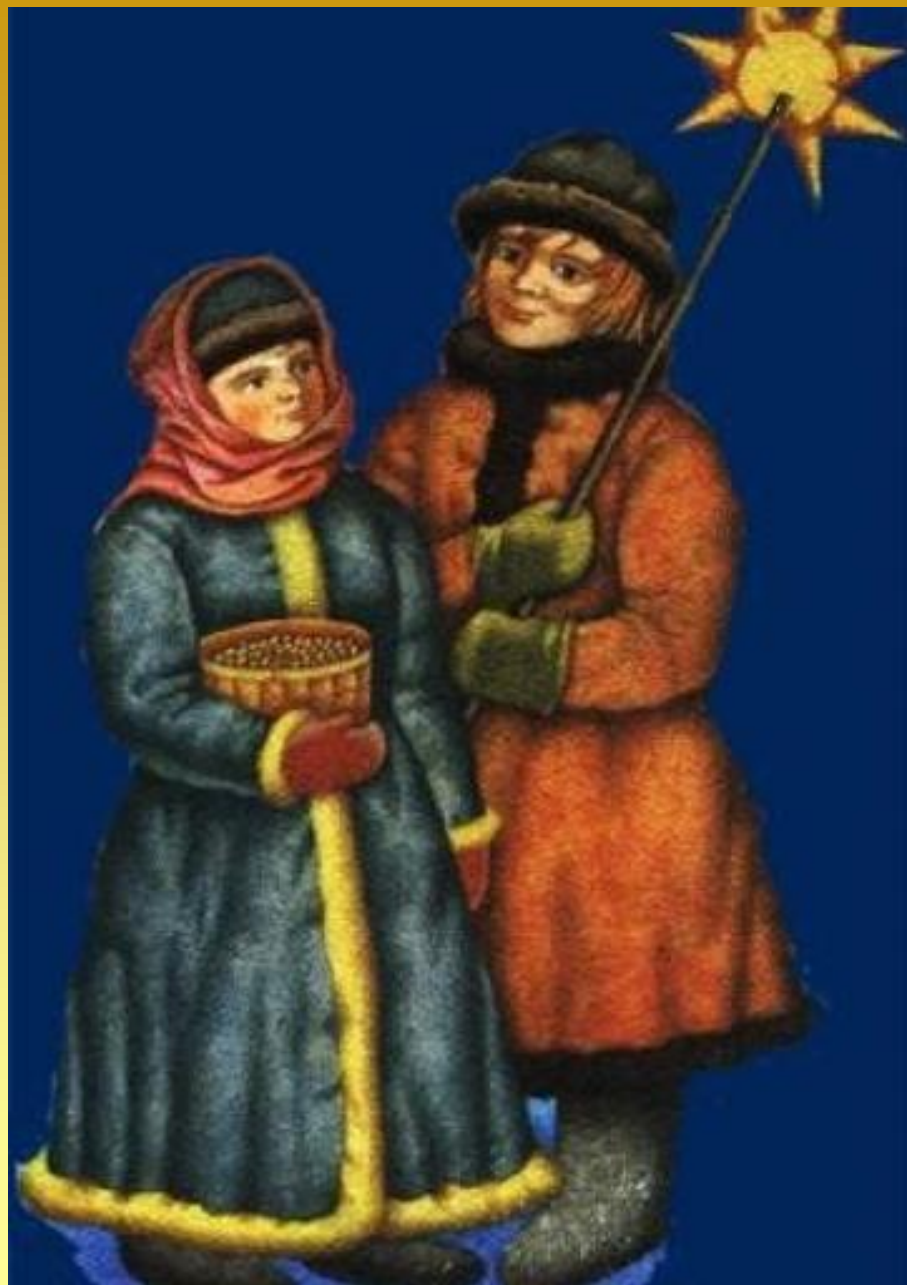
В рассказах сибиряков находит отражение **обряд закликания весны,**

Анатолий Концуб «Призывание весны». 2007.

а также святочные обходные
обряды: *христославления*
на Рождество
и посевания (посыпания)
на Новый год.

Закликание весны

Как отмечает А. М. Овчинникова, **«жаворонков»** пекут в марте, в день **«Авдокеи-каплюжницы»**: «В марте-то вот эти праздники-то пойдут, вот **Авдокеи**, мама-то помнила все праздники, *потоки* в этот день бегут. Весна! Вот в марте-то и пекут **жаворонки**. С мукой натрут тесто пресное, раньше пост же был. Коноплё натолкут, семя или масла этого конопляного нальют, напекут **жаворонков**. Вот делают птичку, тут голова ей сделана, глазки сделают, тут крылышки, хвост.

Пойдут, дадут
ребятишкам:

— Идите, *жаворонка*
встречайте!

Бывало, выйдут,
раньше солома была
старая на огородах,
выйдут, на солону
залезут, *на зарод*,
кричат, *жаворонков*
кличат:

Жавороночки!

Летите к нам на
доночке,
На сохе-бороне,
На кривой веретене!»
[1, № 82].

Обряд этот был уникальной формой общения с живой природой, при описании его в устных рассказах передается состояние радостного ликования, переживаемое когда-то детьми.

Святки в открытках

Святочные обряды

Обряды **христославления** и **ритуального посева** представлены в календарных нарративах как своеобразные формы общения между поколениями, способствующие укреплению нравственной нормы почитания младшими старших.

Как отмечается в рассказах, во время совершения этих обрядов через игру осуществлялось этическое воспитание детей и молодежи.

«Потешно и старикам тоже обоженье. Когда споёшь:
«Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой!» – приятно же имя!» – заключает Е.С. Рюмкин рассказ о том, как он ребёнком Рождество славил [7].

Федот Васильевич Сычков. «Христославы».

Обряд христославления требовал обязательного одаривания славельщиков. Судя по рассказам крестьян-сибиряков, в начале XX в. народной средой осознавался скорее не религиозный, а этический смысл одаривания как проявления естественной благодарности за внимание к хозяевам дома.

К приходу **славельщиков** в каждом доме заранее готовились.

«Вначале, перед праздником, в доме запасут конфет, а нам, детям, не дают, говорят:

“Славельщикам”.

Славельщики из нашей же деревни. Всё парнишки бегают. Пропоют Рождество, бабка их из мешочка конфетами угостит. Они ведь не сидят, пропоют и в другой дом бегут» [8].

*Мотив ожидания
славельщиков*

устойчиво
повторяется в
повествованиях:
«Не светат ишшо,
а тут уж печка
топится русская,
пирожков
постряпают и всё.
Оне до свету
приходят...

славить...

Рождество-то.

Обегут оне уж это
полдеревни, к
свету-то обегут,
застаю
горяченько»

[7.Сретенск. р-н
Читинск. обл.].

Стремление *славельщиков* успеть обежать «до свету» все дома и деятельное ожидание их прихода хозяевами передается в кратком, но выразительном описании: «На *Рождество* бегали славили. Группа наберётся и бежит. Их там уж ждут – пироги пекут. Каждому дадут по пирожку. А они поют: «*Рождество*, Христе боже наш, Воссияет свет разума...» [7].

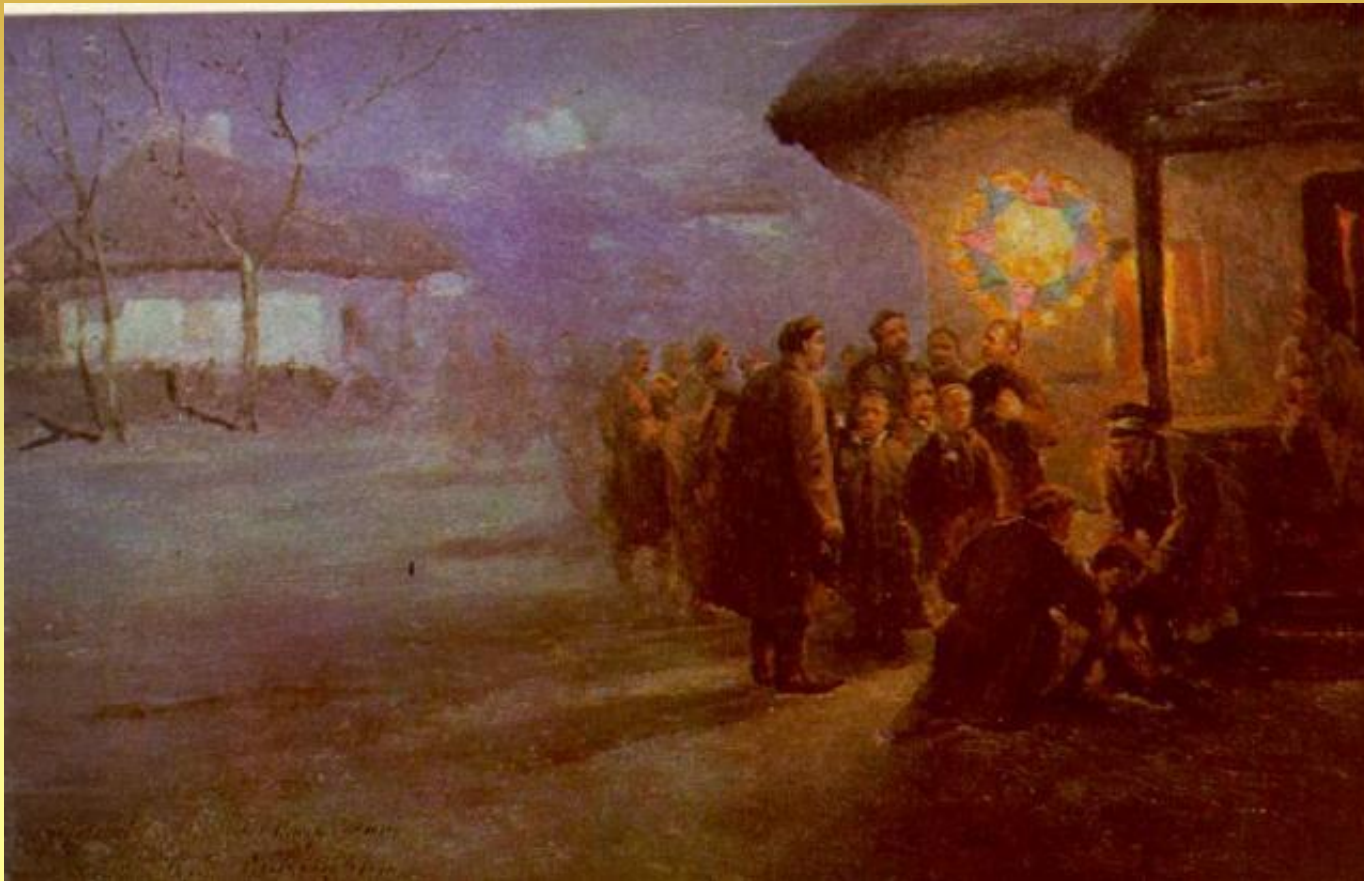
Обряд христославления подчас принимал форму увлекательной детской игры. А. М. Овчинникова рассказывает о традиции, существовавшей в с. Култума: ребятишки объединялись группами, и обход дворов приобретал вид соревнования, поскольку каждая группа старалась посетить как можно больше домов.

Обряду сопутствовали азарт и веселье. Именно это ощущение стремится передать рассказчица: «Ой, утром так чуть свет – чтоб раньше, всех больше наславить. Ой, туча тучей, партия за партией! Из одного дома выбегают, в другой забегают, – в этот уж опять набегают компания» [7. Газимурозаводск. р-н Читинск. обл.].

Дети оказывались активно вовлечёнными в стихию праздника. Далее в рассказе даётся описание «славельщики в доме». Здесь также отмечается готовность хозяев к одариванию славельщиков. Так *детей словно «обласкивает» вся община*: «Вот уж тут наготове всё у хозяина: и деньги, и печёный хлеб дают, и орешки, и конфетки» [7].

Завершается рассказ воспоминанием рассказчицы о том, как она сама в детстве участвовала в *рождественском обходе дворов* вместе с другими ребятами-христославами: «И вот мы всё складываем в эти свои... – сумочки – носили через плечо. Мороз! <...> Да перешибешься весь!» [Газимурозаводск. р-н Читинск. обл.].

Функционально близок к христославлению **обряд ритуального посева**, или **посыпания**, совершая его, дети рано утром в Новый год так же обегали дома и произносили благопожелательные формулы, **бросая** при этом **зерно**: «Сею-вею, посеваю, с Новым годом поздравляю!», «Рады, Боже, жито-пшеница, всяка пшеница. Здравствуйте! С Новым годом, с новым счастьем!» [7].

В рассказах обход дворов представлен прежде всего как **традиционная форма общения**. В повествовании П.Т. Сивериновой слушателям предлагается ощутить себя в роли радушных хозяев, принимающих желанных гостей: «<...> Хозяева: “Здравствуйте, здравствуйте!”
И дарять. Берёшь сумку, там всяки конфеты. Всех угощаешь. Только проводишь компанию, там втора заходить. Опеть так же. Только угостишь – там третья заваливает»
[Газимурозаводск. р-н Читинск. обл.]

Обряд посева на старый Новый год

Обряды христославления и новогоднего посева были способами вовлечения детей в жизнь сельского коллектива. Дети чувствовали себя людьми необходимыми для «мира» в этот момент (без их участия не состоялся бы в полной мере праздник); они были желанными и почётными гостями в каждом доме. Так незаметно осуществлялся процесс воспитания маленьких селян.

В целом содержание и эмоциональный тон устных рассказов показывают, что *календарные праздники благотворно воздействовали на душу ребенка.*

Пройдя сквозь детское восприятие, заняв своё определённое место в ряду явлений детского быта, *праздники смогли стать эффективной формой социализации и воспитания детей.*

Будучи средством передачи молодому поколению накопленного духовного опыта, они в то же время выполняли задачу введения ребенка в жизнь общины в качестве полноправного её члена и способствовали укреплению представления о нём как о личности, достойной глубокого уважения и внимания.

Литература и источники

1. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. — СПб.: Наука, 2006. — Т. 1.
2. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / науч. ред. Ф.П. Сороколетов. — СПб.: Наука, 2007. — Т. 2.
3. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / науч. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. — СПб.: Наука, 2008. — Т. 3.
4. Виноградов Г. Народная педагогика (Отрывки и наброски). – Иркутск: Изд-во Вост.-Сибирск. отд. Русского географич. о-ва, 1926.
5. Виноградов Г. С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства / Сост. А.В. Грунцовского; подг. текстов и коммент. А.Ф. Некрыловой; архивн. материалы В.В. Головина. – СПб.: Историческое наследие, 1998.
6. Виноградов Г.С. Шулюканы // Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 129 – 136.
7. Фольклорный архив В.П. Зиновьева.
8. Фольклорный архив М.Р. Соловьевой.

ГБУК ИО «Региональный центр русского языка, фольклора и этнографии»

Презентацию подготовили: *Матюшина М. А., Соловьева М. Р.*

Иллюстративный материал:

- *репродукции картин русских художников.*

ГБУК ИО «Региональный центр русского языка, фольклора и
этнографии»

Тел. (8395) 33-47-05

E-mail: ts.rusyaz@yandex.ru

Сайт: www.sibfolk.ru

Иркутск - 2015 г.